

ГОРОД ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX вв.

Развитие экономики г. Иваново-Вознесенска. Девяностые годы XIX в. были временем бурного подъёма промышленного капитализма в России и дальнейшего перерастания его в империализм. Это особенно отразилось на развитии тяжёлой индустрии и на железнодорожном строительстве. Возникли новые промышленные районы. Выросла в эти годы и промышленность Иваново-Вознесенска.

Представление о развитии промышленности Иваново-Вознесенска за период 1895–1900 гг. дают приведённые ниже цифры:¹

	1895 г.	1900 г.
1. Число промышленных предприятий	55	59
в том числе:		
бумагопрядильных фабрик	–	3
бумаготкацких фабрик	–	13
ситцепечатных фабрик	–	18
2. Общее число занятых рабочих	17 868	26 672
в том числе:		
на бумагопрядильных фабриках	–	2541
на бумаготкацких фабриках	–	11 826
на ситцепечатных фабриках	–	10 643
3. Стоимость выработанной продукции (в тыс. руб.)	33 317	58 841
в том числе:		
бумагопрядильных фабрик	–	3797
бумаготкацких фабрик	–	14 279
ситцепечатных фабрик	–	25 200

Таким образом, к 1900 г. количество рабочих в Иваново-Вознесенске, сравнительно с 1890 г., выросло на 77,8%, а сумма производства – на 126,3%, иначе говоря, рост промышленности шёл абсолютно и в отношении концентрации и увеличения производительности. Усилилось и техническое оборудование предприятий: в 1897 г. оно состояло из 133 паровых двигателей, шести генераторов на 9309 сил, 176 паровых котлов, 91 печатной машины, 9604 ткацких станков, 83 488 прядильных веретён. Топливом служила нефть, употреблявшаяся в 29 предприятиях, электрическое освещение имели 15 предприятий.²

Вместе с подъёмом промышленности в 1890-е гг. благодаря строительству железных дорог закреплялись торговые связи Иваново-Вознесенска. В 1893–1898 гг. построены были железнодорожные линии Ермолино–Середа и Нерехта–Середа, связавшие Иваново-Вознесенск с поволжскими пунктами –

Ярославлем и Костромой и с Петербургом. В 1896–1899 гг. проложены линии участков Иваново–Тейково и Тейково–Юрьев-Польский, давшие второй железнодорожный путь на Москву. Иваново-Вознесенск стал крупным железнодорожным узлом. В 1890 г. в городе появился телефон.

Несмотря на быстрый рост хлопчатобумажной промышленности города, она, как и вся русская промышленность, носила в себе элементы отсталости, зависела от иностранного рынка в получении оборудования, хлопка, красителей.

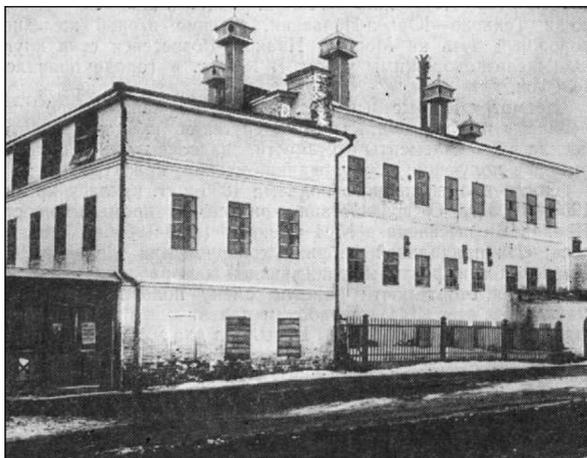
После промышленного подъёма 1890-х гг. начался кризис 1900–1903 гг. О воздействии кризиса на промышленность Иваново-Вознесенска в № 4 «Искры» (май 1901 г.) сообщалось: «На прядильной фабрике товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры (занимающей 5000 рабочих), начиная с октября, стоит почти каждую смену половина ватерных машин (их всего 144), а рабочим платят всего только половину простоя... На фабрике Бурлыгина для удлинения рабочего дня переводят по усмотрению часы, для части рабочих рабочее время увеличено с девяти до 11½ часов».³

В «С.-Петербургских ведомостях» осенью 1899 г. сообщалось из Иваново-Вознесенска: «Фабрики и заводы с 1 октября сократили свою работу и лишний контингент рабочих увольняют на все четыре стороны».

К тяжёлым последствиям промышленного кризиса скоро присоединилось влияние русско-японской войны 1904–1905 гг. Корреспондент «Искры», характеризуя положение иваново-вознесенских рабочих в 1904 г., писал: «У нас кризис, вызванный войной, ещё не сказался так сильно, как в Лодзи или Белостоке, но грозная туча медленно надвигается на наши головы. Массовых расчётов ещё не было, но на место выбывших рабочих новых уже не берут. Во многих местах можно видеть машины и станки, которые в ход больше не пускаются».

На одной из фабрик работают четыре дня в неделю, поговаривают о сокращении числа рабочих дней и на других фабриках. Склады завалены готовым товаром».⁴

Общие неблагоприятные условия усложняли местные обстоятельства; в 1905 г. сгорели фабрики Бурлыгина и Дербенёва и была ликвидирована фабрика Новикова.

Фабрика Дарьинского, существовавшая в конце XIX – начале XX вв.

В результате промышленность Иваново-Вознесенска в 1905 г., сравнительно с 1900 г., имела очень слабый прирост, а выработка ткацких фабрик была даже ниже 1900 г. По отчётным данным за 1905 г. в Иваново-Вознесенске работали 52 предприятия со средним годовым числом рабочих 26 771 человек и суммой производства 63 707 тыс. руб.⁵

Кризисы легли тяжёлым бременем на рабочих, но не отразились на доходах иваново-вознесенских фабрикантов: прибыли их по-прежнему оставались огромными.

Наиболее крупную прибыль получили следующие ивановские предприятия, в процентах к основному капиталу:

Название предприятия	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Ткацкая фабрика Полушиных	29	48	51
Товарищество П. Витовой	15	–	34
Товарищество м-р И. Гарелина	–	20	21
Товарищество Куваевской мануфактуры	–	38	27

В это же время средняя прибыль хлопчатобумажных фабрик в России в 1902 г. равнялась 5%, в 1903 г. – 8% и в 1904 г. – 7%.⁶

О том, что представляли отдельные наиболее мощные предприятия Иваново-Вознесенска, выросшие из полотняных мануфактур XVIII в. и набойных с раздаточными конторами первой половины XIX в., говорят следующие данные.

Из «набойной» крепостного крестьянина Куваева, находившейся в селе Иванове, выросла в Посаде фабрика товарищества Куваевской мануфактуры – отбельная, красильная и ситценабивная. Ручное производство на фабрике окончательно прекратилось в 1870 г. В период 1880–1894 гг. были выстроены и оборудованы новые здания фабрики стоимостью в 1 312 768 руб. В 1887 г. организовалось товарищество. В 1900 г. фабрика вырабатывала ситца разного и фасонных тканей более миллиона кусков и отбеливала для других предприятий миткаля до 500 тыс. кусков. На фабриках было 30 паровых машин и 25 паровых котлов, 14 ситцепечатных машин. Отапливалась мануфактура нефтяными отходами и освещалась электричеством. Работало на фабрике 1500 человек. Общий оборот фирмы – около 7 млн. руб. Основной капитал предприятия с 1 млн. руб. при открытии товарищества увеличен в 1888 г. до 1,5 млн. руб. Прибыль предприятия в 1890–1894 гг. составляла от 120 тыс. до 277 тыс. руб. в год.

Куваевская мануфактура на ул. Садовая, 30-32.

Потомки крепостных крестьян-фабрикантов XVIII в. Гарелиных имели крупное бумаготкацкое, отбельное, ситцепечатное и отделочное предприятие под фирмой «Товарищества Ив. Гарелина». Фабрики были выстроены в Посаде – в 1855 г. ситцевая, в 1873 г. – миткалево-ткацкая, в 1879 г. – отбельная. В 1893 г. предприятие организовалось в товарищество. К 1900 г. на фабриках было 12 паровых машин, 22 паровых котла, 1382 ткацких станка, девять печатных машин. Фабрика отапливалась отходами нефти и освещалась электричеством. На фабрике работало более 2000 человек. Ткацкая выработывала до 800 тыс. кусков миткаля. Общий оборот мануфактуры составлял около 4 млн. руб. Основной капитал товарищества в 1894 г. составлял 2 млн. руб., ежегодная прибыль в 1892–1894 гг. – от 345 до 375 тыс. руб.

На базе старинной полотняной мануфактуры фабриканта Гарелина, существовавшей в половине XVIII в., организовалось «товарищество Покровской мануфактуры» П. Н. Грязнова с ситце-платочно-набивной и красильной фабриками. В 1900 г. на фабриках действовали 8 паровых котлов, 16 паровых машин, 13 ситцепечатных машин, рабочих было до 900 человек. Выработывала фабрика в год около 600 тыс. кусков ситца, платков – более 1 800 тыс. дюжин, всего на сумму около 5 млн. руб. Основной капитал товарищества к 1894 г. составлял 1,6 млн. руб., прибыль в 1893–1894 гг. – 218–273 тыс. руб.⁷

Ярко выраженный капиталистический облик города дополнялся наличием в нём двух банков.

С ростом промышленной буржуазии Иваново-Вознесенска шло её дальнейшее сплочение и объединение вокруг неё промышленной буржуазии всего района. В 1901 г. утверждён был «Устав Иваново-Вознесенского общества взаимного страхования фабрикантов и заводчиков от несчастных случаев с их рабочими и служащими». Действие обще-

Ивановские рабочие (90-е гг. XIX в.).

ства распространялось на Шуйский, Ковровский уезды Владимирской губернии, Кинешемский, Нерехтский и Юрьевецкий уезды Костромской губернии.

Характерно, что в данном случае организация фабрикантов действовала не в рамках административных границ, а в пределах экономического тяготения. В свою очередь, иваново-вознесенские фабриканты стали примыкать к центральным промышленным организациям: в начале 1905 г. ими была установлена связь с Московским обществом для содействия русской промышленности и торговле.

С высшей технической интеллигенцией у фабрикантов была теснейшая связь не только в пределах фабрики; и те и другие объединялись в Иваново-Вознесенское отделение русского технического общества. Это общество возникло в 1871 г., а с 15 мая 1904 г. стало выпускать журнал «Записки Иваново-Вознесенского отделения русского технического общества».

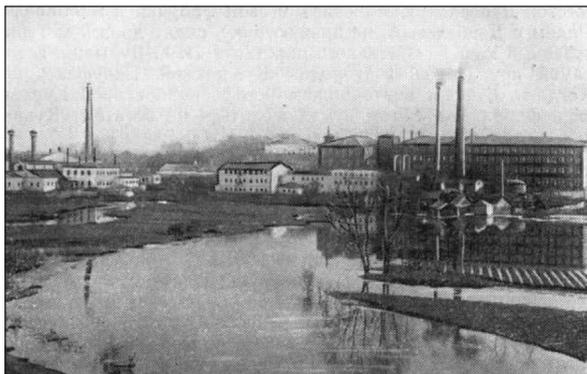
Иваново-вознесенская буржуазия выступала всегда как контрреволюционная сила, а представители технической интеллигенции – управляющие фабриками, механики, колористы и другие высокооплачиваемые служащие вкрасную поддержку своих хозяев.

Наряду с крупной промышленностью в городе по-прежнему существовали мелкие ремесленные предприятия. В 1904 г. в городе насчитывалось 128 ремесленных предприятий, охватывавших 1 175 ремесленников.

Значительного развития достигла городская торговля. В 1900 г. в городе насчитывалось 735 торговых предприятий с оборотом 13 308 тыс. руб.⁸

Территория, население и городское самоуправление. По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., на территории города с пригородами: деревни **Рылиха**, **Иконниково**, местечко **Ямы**, слобода **Петропавловская (Завертяиха)**, посёлки **Ново-Иконниково**, **Ушаково**, **Ново-Рылиха**, слободы **Боголюбовская**, **Ильинская**, миткалево-ткацкая фабрика Гандурина, **Пронин овраг**, жилые дома за железной дорогой, село **Преображенское**, пригород **Дмитриевка**, ситцевая фабрика Гарелина с усадьбой Гарелина, ситцевая фабрика П. Витовой в пустоши **Петрищево** проживало 54 141 человек: 28 377 мужчин и 25 764 женщины.⁹ В 1900 г. количество населения, включая местечко Ямы, исчислялось в 64 628 человек, а в 1904 г. – 83 472 человека.¹⁰

Хозяйство города по-прежнему находилось в руках крупной торгово-промышленной буржуазии, значение

Фабрики г. Иваново-Вознесенска (конец 90-х гг. XIX в.).

которой в органах городского самоуправления было усилено Городовым положением 1892 г., повысившим имущественный ценз. Из общего количества 40 гласных Иваново-Вознесенской городской думы, избранных на четырёхлетие 1902–1906 гг., фабрикантов было 14, купцов 11 и представителей прочих «званий» 15, причём большая часть последних относилась к крупным домовладельцам.¹¹

Приводим интересную зарисовку фабрикантской думы, сделанную одним из современников: «...Зима 1895 г. Одно из первых заседаний только что переизбранной Иваново-Вознесенской городской думы. Состав её – махрово-фабрикантский. Во главе – «городской голова» П. Н. Дербенёв. Это типичная фигура одного из королей «Ситцевого царства»: Дербенёв – директор громадного фабричного предприятия «Т-ва Никанора Дербенёва с-вья».

Это предприятие объединяет несколько фабрик, на которых в общей сложности работает несколько тысяч рабочих. Дербенёвские фабрики находятся не только в Иванове, но и разбросаны по округе. Дербенёв – владелец необъятных латифундий земли и леса. Дербенёв имеет вклады в целом ряде заграничных банков. Он самый умнейший и самый знающий из всех фабрикантов Иванова. Когда, случается, бывают у фабриканта Дербенёва «знатные» и «нужные» гости, он кормит их с массивных серебряных блюд золотыми ложками; но придите к Павлу Никаноровичу в будни, запросто, и увидите: ходит он в старых, протёртых брючишках, носит плохо вычищенные сапоги и ест деревянной ложкой простые щи и кашу чуть ли не из одной чашки... Необыкновенно чёрств и жесток Дербенёв, влюблённый в свои фабрики и миллионы... Рядом с Дербенёвым, по правую руку, сидит другой могущественный король «Ситцевого царства» – Н. Г. Бурылин, глава самой крупнейшей в городе «Куваевской мануфактуры». Когда-то бедным конторщиком бегал он по старой Куваевской фабрике, а потом сумел жениться на богатой «Куваихе» и стал сразу крупной персоной...

С левой стороны у городского головы сидит другой могущественнейший властелин «Ситцевого царства» – А. И. Гарелин. Непомерно длинная и сухая фигура Гарелина, с маленькой подвижной головой, на которой торчит жёсткая щетина коротко остриженных седых волос, выражает, как и у Дербенёва, крайнюю душевную сухость и надменное равнодушие к окружающим. На большую хищную птицу походит А. И. Гарелин, крупнейший фабрикант и землевладелец в округе...

Напротив Дербенёва сидит в кресле, тяжело отдуваясь, в старомодном сюртуке покроя «времен Очакова и покоренья Крыма», необъятно толстая и сырая фигура А. М. Гандурина...

А. М. Гандурин – прирождённый «адвокат» и защитник родного фабрикантского сословия... Защищая фабрикантские интересы... он с пеной у рта отстаивал положение: очистка реки Уводи от фабричных отходов – пустая и даже вредная затея... Спуск фабриками всяких нечистот в реку – невинное, а полезное дело: загрязнённая фабричными отбросами река испаряет едкие

туманы, которые дезинфицируют и очищают воздух города от зародышей и микробов всякого рода эпидемий, как-то: холеры, чахотки, скарлатины и т. п. И было такое анекдотическое время, что над такими дикими речами в «думе» и в «комиссиях» не смеялись, а слушали их с серьёзными лицами, пытаясь даже пропускать их в доклады, как «веские аргументы»...¹²

Городское хозяйство. Городское хозяйство носило на себе, как и раньше, печать крайней отсталости. В 1894 г. приход по бюджету выражался в сумме 116 345 руб. 83 коп., составлявшийся преимущественно из доходов с городских недвижимых имуществ и оценочного сбора с недвижимого имущества. Расход составлял 107 254 руб. 63 коп., из которого на содержание учебных заведений шло 13 520 руб. 68 коп. – 12,6%, а расходы по содержанию полиции – 12 308 руб. 91 коп.¹³

Единственным коммунальным предприятием, появившимся в 1890 г. в городе, была скотобойня с доходом в 1380 руб.¹⁴

При отсталой системе хозяйства город не мог принять благоустроенного вида – он медленно освобождался от характерных особенностей грязного села царской России. Некоторое благоустройство получила только центральная часть города, где устраивались мостовые, освещение, появлялись богатые постройки. Окраины, населённые рабочими, утопали в грязи.

В «Пролетарии» в 1905 г. (№ 5) напечатано было «описание очевидца»: «Иваново-Вознесенск – один из богатейших городов России. В центре его – прекрасные мостовые, электрическое освещение, роскошные дворцы буржуазии, украшенные причудливой рукой художника, банки, где ежедневно звенит золото – пот и кровь рабочего класса, клубы, где разряженная буржуазия играет в азартнейшие игры, развратничает и т. д. Загляните на окраины города – рабочие кварталы. От безумной роскоши вы перейдёте к полуголодному прозябанию измученного ткача, рабочего ситцевых, отбельных фабрик, химических заводов. Улицы, где весной и осенью ни проходу, ни проезду – море грязи. Воздух пропитан гарью, изрыгаемой десятками труб гигантов, наполнен ядовитыми испарениями от р. Уводи, из которой буржуазия устроила себе сток для краски и нефти. Вместо дворцов – искривлённые домишки, где в нестерпимой духоте спят вповалку десятки рабочих. А рядом мрачные казармы, в которых, как в каменных мешках, в грязи и духоте томятся десятки тысяч рабочих, как дети, связанные неусыпным наблюдением хозяйских церберов...»¹⁵

Заселённая площадь города в 1904 г. вместе с местечком Ямы составляла 14,9 кв. версты. Жилых строений было 6760, из них деревянных – 5752, крытых железом – 4743. При карликовом типе построек на одно жилое строение приходилось 55 жителей. Город и посёлок Ямы имели 234 улицы протяжением 100,2 версты, из них замощённых только 21,7 версты; протяжённость тротуаров – 22,4 версты, на Ямах тротуаров не было. Площадь садов 10 000 кв. метров, а протяжение бульваров и улиц, обсаженных деревьями, – 0,5 версты. Освещался город 1041 керосиновым фонарём; на Ямах освещения не было.¹⁶

Вид на центральные улицы г. Иваново-Вознесенска (90-е гг. XIX в.)

В 1896 г. городская дума вновь обсуждала вопрос об организации городского транспорта. До 1900 г. в городскую управу поступило 12 предложений концессионеров об устройстве городского трамвая, но ни одного из них управа не приняла.

Неразрешённым оставался вопрос об устройстве водопровода в городе и очищения реки Уводи.

В 1902 г., в связи с приездом в Иваново-Вознесенск министра внутренних дел, в городской управе вспомнили о загрязнении Уводи и ещё раз поставили этот вопрос на обсуждение. Но обсуждение имело плачевный результат: фабриканты в 1903–1904 гг. на берегу реки Уводи, на протяжении около трёх вёрст, в пределах города построили открытый деревянный канал для спуска фабричных вод; эта постройка была прекращена в самом центре города у Тулякова моста, так что все нечистоты в середине города продолжали поступать в реку Уводь. В таком состоянии река находилась до 1918 г.

Скученность населения и неблагоустройство делали город распространителем всяких острозаразных болезней.

Иваново-Вознесенская городская управа в 1892 и 1894 гг. издала отчёты «Комитета... для принятия предупредительных мер и борьбы против азиатской холеры, а также по борьбе с нею за 1893 г.».

В отчёте имеются потрясающие данные об антисанитарном состоянии города. Приведём отрывки из помещённого в отчёте 1893 г. доклада санитарного врача Д. С. Померанцева:

«Городская почва под жилыми строениями во многих местах очень сильно загрязнена... Много зла принёс в этом отношении варварский обычай обывателей устраивать отхожие места в виде переносных палаток. При этой системе яма по наполнении нечистотами зарывается, а палатка переносится на соседнее место. Обычай этот имел и имеет много приверженцев среди общих обывателей. Благодаря ему многие дворы превратились в сплошную помойную яму. Другое условие к загрязнению городской почвы дано в долго практиковавшемся у нас обычае – заравнивать ложбины и овраги всякими нечистотами и отбросами».

Длительное загрязнение почвы нечистотами привело к тому, что вода из

колодцев и родников, которой пользовалось население, «отзывается карболовой кислотой, употребляемой для дезинфекции соседних нечистотных ям...»

«Пыль в сухое летнее время, масса фабричного дыма, отсутствие древесной растительности, испарения загрязнённой почвы и реки» – заражали воздух города.

Ко всему этому присоединилась крайняя скученность населения города. «Для примера, – говорится в докладе, – я возьму район, прилегающий к ярмарочной площади Новоблагословенной церкви, заключающий правую сторону Павловской улицы, Новую улицу, две Дмитровские и Благовещенскую (в настоящее время – район в направлении от Почтовой улицы к 1-му Рабочему посёлку). Район этот почти сплошь застроен деревянными хатками в несколько окон. Хатки тесно жмутся друг к другу. Дворы при них крайне тесные. Оказывается, что из 400 домов этого района целая сотня, т. е. часть домов, имеет свыше десяти жильцов в каждом. Домовладельцы хаток на все лады изощраются, чтобы пустить к себе как можно больше постояльцев. В тёплое время года превращаются в место ночлега сени, чердаки, сараи и погребов...».

При такой обстановке «в особенно скверных условиях находятся дети фабричных семей, лишённые с первых месяцев жизни материнского молока и присмотра. Отсюда понятна та усиленная детская смертность, приводящая статистику нашего города к трагическому выводу, что население его вымирает...»

Это указание на сильную детскую смертность подтверждает сообщение иваново-вознесенского городского врача, что в 90-е гг. в течение мая, июня и июля умирало от поноса до 250 детей.

Торговые площади города характеризовались в докладе, как сплошная клоака.

Торговцы в погоне за большими барышами безнаказанно сбывали негодные к употреблению продукты. «Испортившееся мясо, малосольная рыба «с душком», сухая солёная рыба, мясо, которое от долгого хранения превратилось в труху, имеющую вид древесных опилок, и тому подобные негодные продукты находят себе контингент покупателей в лице бедного фабричного люда, до крайности невзыскательного. Как бы ни был невзыскателен и привычен желудок, но он должен пострадать от употребления испортившегося бараньего сала, а у нас в городе оно расходуется в таком виде в большом количестве...»

В городе имелось 148 колониальных и мелочных, 22 мясных и рыбных лавки, 78 ренсковых погребов. Особенно неудовлетворительно содержались мелочные лавки и ренсковые погреба: «во многих из них грязь поражающая, – она видна на полу, на прилавке, на весах, в самом товаре, рядом со съестными продуктами валяется всевозможный мусор, масса вещей, которым здесь совсем не место, например, рваная одежда, грязное бельё...»

Не в лучшем состоянии находились «заведения», занимавшиеся выделкой и продажей съестных припасов. В городе имелось 16 булочных и кондитерских, семь крендельных, три колбасных, семь квасных. «Существующие в городе крендельные, все без исключения, содержатся крайне грязно. Войдя в подобные заведения, решительно теряешься, что предложить для исправления содержателю: низкое, закопчённое, иногда подвальное помещение, с обрывками обой и кучами тараканов по стенам, пол на $\frac{1}{2}$ вершка покрытый смесью теста и муки с грязью, на печи куча грязных подстилок и одежды и т. п...»

Очагами заразы служили также трактиры (которых в городе имелось 11), номера для приезжающих (три), постоянные дворы (шесть), харчевни и чайные (семь), прачечные (две). В трактирах на кухне «рядом с приготавливаемыми кушаньями валяется грязная одежда прислуги, буфеты или прямо обращены в место ночлега «половых» или служат складочным местом крайне грязных подстилок, грязного белья...»

Неудивительно, что при такой общей заражённости города возникшая в 1892–1893 гг. эпидемия холеры носила очень тяжёлый характер, – смертность от неё составляла 47%, причём более половины заболевших приходилось на фабричных рабочих.

В 1899 г. «отцы города» сделали слабую попытку улучшения санитарного состояния города – городская управа установила должность санитарного врача.

Лечебная помощь населению была поставлена совершенно неудовлетворительно. В 1904 г. город имел три больницы на 323 места, 19 врачей и 24 «приёмных покоя» на 199 мест. Старший врач «больницы для мастеровых и рабочих», работавший в 1891 г., о больничной обстановке того времени писал: операционная комната «от других палат ничем не отличалась...; перевязывались больные в палатах. При операциях халаты надевались только врачами (халатов всего было два), а остальной персонал присутствовал при операциях в своих обыкновенных костюмах. Специальных отделений для заразных больных не было, и потому все больные со всевозможными болезнями – заразными и незаразными – размещались в одном только имеющемся корпусе. Никаких дезинфекций ни палат, ни белья, ни одежды никогда не производилось. Детей клали в больницу очень редко, помещались они вместе со взрослыми..., даже детского белья в больнице не было, и, если приходилось положить ребёнка в больницу, то он должен был иметь своё бельё. Вообще можно сказать, что в то время больница большим доверием не пользовалась, и ложились в неё очень неохотно...»¹⁷

Смертность в больнице в 1899 г. составляла 7,95%.

Должности директора больницы занимали местные фабриканты.

В 1890 г. на «благотворительные» средства открылся родильный приют на десять кроватей. В первом году приют принял 22 роженицы, в 1900 г. – 1019.

В 1901 г. открыт второй городской «родильный приют» на 16 кроватей, который в первом году своего существования принял 267 рожениц.

В 1902 г. оба приюта обслужили 1519 рожениц.

Просвещение, культура и общественные организации. В сравнении с экономическим ростом города и его населением ничтожным было количество школ. В 1890-е гг. возникло несколько технических учебных заведений по подготовке кадров для промышленности города: в 1894 г. открылось низшее механико-техническое училище, в 1896 г. – школа колористов при реальном училище и в 1898 г. – рисовальная школа (филиальное отделение Петербургского центрального училища технического рисования барона Штиглица).

К 1900 г. город имел 20 учебных заведений с 3215 учащимися, что составляло 5% к общему числу всего населения. Дети школьного возраста обеспечивались начальной школой только на 50%. По переписи 1897 г. из наличного населения 28 377 мужчин грамотных было 15 832 (56%), из 25 674 женщин грамотных – 6995 (28%).¹⁸

Для внешкольного образования в городе в 1900 г. существовали публичная библиотека и пять «народных» библиотек-читален: одна – на средства Шуйского уездного земства, другая – общества трезвости, третья – на «благотворительные» средства и две при фабриках. В публичной библиотеке было до 10 000 томов, в читальнях – до 8000 томов. Ни библиотека, ни читальни не могли удовлетворить запросов населения города – рабочих. Яркую характеристику несоответствия библиотек запросам рабочих дал в статье «В защиту иваново-вознесенских рабочих» (Искра № 9, октябрь 1901 г.) И. В. Бабушкин, один из крупных деятелей революционного движения, ученик и соратник В. И. Ленина, принимавший непосредственное участие в работе Иваново-Вознесенской партийной организации. «Хорошие книги, написанные популярными авторами, из которых интеллигенция черпает знания, – писал И. В. Бабушкин, – такие книги может ли получить рабочий в библиотеках?... Нет! Книги, которые получает рабочий из библиотеки, дают ли ему настоящие знания? Нет. Могут ли интересовать получаемые из упомянутых пяти библиотек книги мало-мальски развитого рабочего? Нет! Доступна ли для рабочих лучшая... библиотека (публичная)? Нет... Разве не сделано всё возможное, чтобы отохотить рабочих от библиотеки, в которой бывает мастер, конторщик и кое-кто другой?.. Разве наши фабричные библиотеки редко служат местом тайного наблюдения за благонадёжностью рабочих? А относительно публичной библиотеки есть основания утверждать, что она-то уж в этом отношении не может быть названа безвинной овечкой... Но главная причина, почему рабочие плохо идут в библиотеки, заключается отчасти в плохом подборе, отчасти в ужасной бедности книгами последних... Остаётся ещё сказать кое-что о публичной библиотеке... Оказывается, что нужно внести два рубля за чтение, да тут же ещё четыре рубля залогом за книгу оставить. И диво от большого заработка, а ну как в зимнее время рабочий зара-

батывает восемь-девять рублей в месяц, а тут залога такую оказию – четыре рубля за чтение... Статочное ли дело половину заработка отдать в залог за книги, когда и на хлеб со щами чувствуем недохватку...

Да и то, по секрету вам нужно сказать: небезопасно туда ходить нашему брату».¹⁹

Мало пользовался библиотекой и мелкобуржуазный читатель. На 34-м году существования «публичной» библиотеки она имела подписчиков «первого разряда» с платой пять рублей в год – 91, «второго разряда» с платой два рубля в год – 39 человек, всего же с членами библиотечного комитета и бесплатными абонентами (учителя и учительницы) – 205 читателей.²⁰

В 1900 г. в Иваново-Вознесенске существовали три театра: зимний театр «Клуба приказчиков», летний театр в «Графском саду» (в настоящее время сад 1 Мая) и Демидовский театр на Ямах. В первых двух театрах, недоступных по ценам массе населения, развлекались верхи иваново-вознесенского «общества»: фабриканты, их служащие, торговцы, буржуазная интеллигенция.

Летний театр на Ямах выстроил в начале девяностых годов прошлого века В. В. Демидов. На его сцене сначала выступали различные мелкие профессиональные труппы. Но в 1898 г., когда идею создания народного театра поддержало образовавшееся незадолго до этого общество трезвости, театр Демидова являлся подлинно народным как по составу зрителей, по дешевизне билетов (от 5 коп. до 1 рубля), так и по репертуару.

Из девятнадцати многоактных пьес, показанных в 1898 г. на сцене этого театра, восемь принадлежали перу А. Н. Островского. Вместе с тем показывали комедию Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» и водевили А. П. Чехова.

В следующем году, кроме шести пьес Островского, театр показывал зрителям бессмертную комедию Н. В. Гоголя «Ревизор». С успехом прошла пьеса Сухотина «Русская свадьба», в постановке которой принимали участие хор и оркестр народных инструментов, составленные из рабочих.

Спектакли народного театра вызвали большой интерес к театральному искусству среди рабочих. По инициативе группы текстильщиков в 1900 г. при обществе трезвости образовался драматический кружок из рабочих. Последним безвозмездно руководил местный антрепренёр и режиссёр А. П. Бабенков. Первый спектакль этого кружка состоялся в декабре 1900 г. в помещении чайной-столовой общества трезвости (Октябрьская ул., дом 6). После смерти Бабенкова в 1902 г. руководство кружком перешло к одному из сыновей устроителя народного театра – Константину Васильевичу Демидову.

Летом 1903 г. после того как театр Демидова покинула большая группа артистов-любителей, перешедших в возникшее в том году литературно-музыкально-драматическое общество, участники рабочего кружка возместили образовавшуюся брешь среди исполнителей. В течение летнего сезона было поставлено 12 спектаклей, половина которых состояла из произведений А. Н. Островского.²¹

В 90-х гг. в Иваново-Вознесенске стал издаваться «Бюллетень Российскойско-го телеграфного агентства» – жалкое подобие газеты, где кроме телеграфных сообщений печатались лишь объявления.

В 1897 г. учитель чистописания женской гимназии Тихомиров обратился в министерство внутренних дел с просьбой разрешить издание газеты «Иваново-Вознесенский вестник». Владимирский губернатор в своём отзыве предлагал не разрешать издания, так как «едва ли оно могло бы, – по словам губернатора, – иметь какой-либо успех, судя по примеру издаваемых уже здесь инженер-технологом С. Смирновым телеграфных бюллетеней, какое издание несомненно прекратилось бы, если бы не пользовалось поддержкой со стороны некоторых фабрикантов».²²

В 1899 г. в городе по инициативе рабочих возникла первая кооперативная организация. 11 сентября 1899 г. утверждён был устав «Иваново-Вознесенского общества потребителей». В начале общество имело 473 пайщика и паевой капитал 8863 руб. 50 коп. В 1904 г. общество имело две лавки. На 1 января 1905 г. пайщиками общества состояло 836 человек.

В 1898 г. в Иваново-Вознесенске открылось «Общество трезвости» с целью, как говорилось в его отчёте, «отвлекать по мере возможности от чрезмерного употребления спиртных напитков». В действительности, общество, во главе которого стояли фабриканты и духовенство, ставило своей задачей отвлечь рабочие массы от революционной борьбы, подчинив их влиянию церкви путём «религиозно-нравственного воспитания».

В числе почётных членов общества на первом месте стоял известный реакционер протоиерей Иван Кронштадтский, за ним – губернатор и фабриканты. Общество ставило «духовные концерты» хора церковных певчих. В библиотеке общества из 1151 тома 365 томов книг было «религиозно-нравственного» содержания. Из периодических изданий выписывались такие церковно-реакционные издания, как «Русский паломник», «Чтение для солдат», «Сельский вестник», «Свет», «Московский листок», В программе чтений 1898–1899 гг. указаны темы: «О кресте», «Благовещение», «Николай чудотворец» и т. п.²³

Однако, вопреки воле их организаторов, заведения общества трезвости использовались революционерами социал-демократами. Так, например, чайная общества, как безопасное место, иногда служила местом революционных явок и передач. В библиотеку общества тайно приносили и оставляли там для передачи и последующего распространения нелегальные листки и прокламации.

Охрана буржуазного порядка. Стремясь отвлечь массы от революционных настроений, хозяева города – фабриканты усиленно строили церкви, В 1904 г. в городе насчитывалось 22 церкви и часовни. В 1900–1907 гг. фабриканты вместе с наследником бывших владельцев села Иваново – Шереметевым организовали постройку в пустоши Ушаково Введенской церкви. За период 1900–1907 гг. на постройку её было собрано и израсходовано

107 418 руб. 10 коп. Из отчёта видно, что эта сумма составлялась не только от отчислений предприятий, но преимущественно из заработной платы рабочих, а также от кружечных сборов, от которых отказываться рабочим, конечно, было рискованно.

Около церквей формировались черносотенные организации. В 1903 г. владимирский архиерей утвердил устав «Покровского общества хоругвеносцев» при Покровском соборе. Общество возглавлял городской голова – фабрикант Дербенёв, членами его были крупные торговцы города – Мужжавлев, Чернов и др., выступившие в 1905 г. как организаторы черносотенных погромов.

Считаясь безуездным городом Шуйского уезда, Владимирской губернии, Иваново-Вознесенск подчинялся полицеймейстеру, находившемуся в непосредственном ведении губернатора и располагавшему в пределах города властью почти неограниченной. По мере развития рабочего движения усиливалась полицейская охрана города. К 1900 г. «городское полицейское управление» Иваново-Вознесенска представляло собою одно из крупных учреждений города. В составе его, кроме полицеймейстера и городского пристава с помощниками, был особый штат полицейских надзирателей, между которыми распределялся надзор за крупными предприятиями города.

С половины 90-х гг. в целях борьбы с рабочим и революционным движением Иваново-Вознесенск стал резиденцией помощника начальника владимирского губернского жандармского управления. В городе стояли казачьи сотни, содержавшиеся на средства, собиравшиеся по развёрстке с фабрикантов по количеству рабочих на их фабриках. С 12 сентября 1901 г. город был объявлен на «положении усиленной охраны».

Не ограничиваясь полицейской охраной, иваново-вознесенские фабриканты пытались создать себе опору среди наиболее обеспеченной части рабочего класса – гравёров. 18 июля 1898 г. к владимирскому губернатору поступило прошение об утверждении устава Иваново-Вознесенского вспомогательного общества фабричных гравёров. Под прошением на первом месте стояли подписи всех крупных фабрикантов города. Владимирский губернатор по поводу поданного заявления писал в министерство внутренних дел: «фабричные гравёры, как люди, хорошо обеспеченные и дорожащие своей службой, представляются элементом сравнительно благонадёжным в политическом отношении»...

Общество было утверждено министром внутренних дел 29 октября 1902 г.²⁴

За время своего существования общество не выходило за легальные пределы, сделав некоторое отступление от своего пути только в 1905 г., когда грандиозная общая стачка рабочих заставила и гравёров примкнуть к ней.

Позаботилось царское правительство и о судебной защите иваново-вознесенской буржуазии: в 1900 г. в городе открылось отделение Владимирского окружного суда, о чём городская управа хлопотала с 1886 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Госархив Ивановской области. ОДФ. Иваново-Вознесенская городская управа, оп. 1, д. 3012.
- 2 Памятная книжка Владимирской губернии. 1900, стр. 378–415.
- 3 На путях к победе. Революционное прошлое Ивановской области в освещении большевистской печати 1901–1906 гг. Ивоблгиз, 1940, стр. 19.
- 4 Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1928, стр. 16.
- 5 Госархив Ивановской области. ОДФ. Иваново-Вознесенская городская управа, оп. 1, д. 4115.
- 6 Я. Иоксимович. Прибыли и дивиденды мануфактурных предприятий за 1902–1911 гг. М., 1912.
- 7 «Владимирские губернские ведомости» № 29, 1901.
- 8 Торговля и промышленность европейской России по районам. В. III, СПб, стр. 132.
- 9 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Изд. Центрального статистического комитета. Т. I, 1900, стр. 60–61.
- 10 «Владимирские губернские ведомости» № 29, 1901. Города России в 1904 г. СПб, 1906, изд. Центрального статистического комитета.
- 11 Госархив Ивановской области. ОДФ. Иваново-Вознесенская городская управа, оп. 2, д. 462.
- 12 И. А. Волков. Ситцевое царство. «Основа», 1925, стр. 37–43.
- 13 Памятная книжка Владимирской губернии. 1895, стр. 138, 141.
- 14 Смета Иваново-Вознесенской городской управы на 1901 г. Иваново-Вознесенск, 1900.
- 15 На путях к победе. Ивоблгиз, 1940, стр. 90–91.
- 16 Города России в 1904 г. СПб, 1906, изд. Центрального статистического комитета.
- 17 Отчёт по больнице для мастеровых и рабочих в г. Иваново-Вознесенске за 1910 г., стр. 22.
- 18 «Владимирские губернские ведомости» № 29, 1901.
- 19 На путях к победе. Ивоблгиз. 1940, стр. 46, 49.
- 20 «Русское богатство» № 12, 1900, отд. II, стр. 52.
- 21 Отчёты Иваново-Вознесенского общества трезвости за 1897–1898 гг., 1898–1899 гг. и за 1902–1903 гг.
- 22 Госархив Владимирской области. ОДФ. Канцелярия владимирского губернатора, д. 442, за 1897 г.
- 23 Отчёт Иваново-Вознесенского общества трезвости. 1900.
- 24 Госархив Владимирской области. ОДФ. Канцелярия владимирского губернатора, д. 454, за 1898 г.